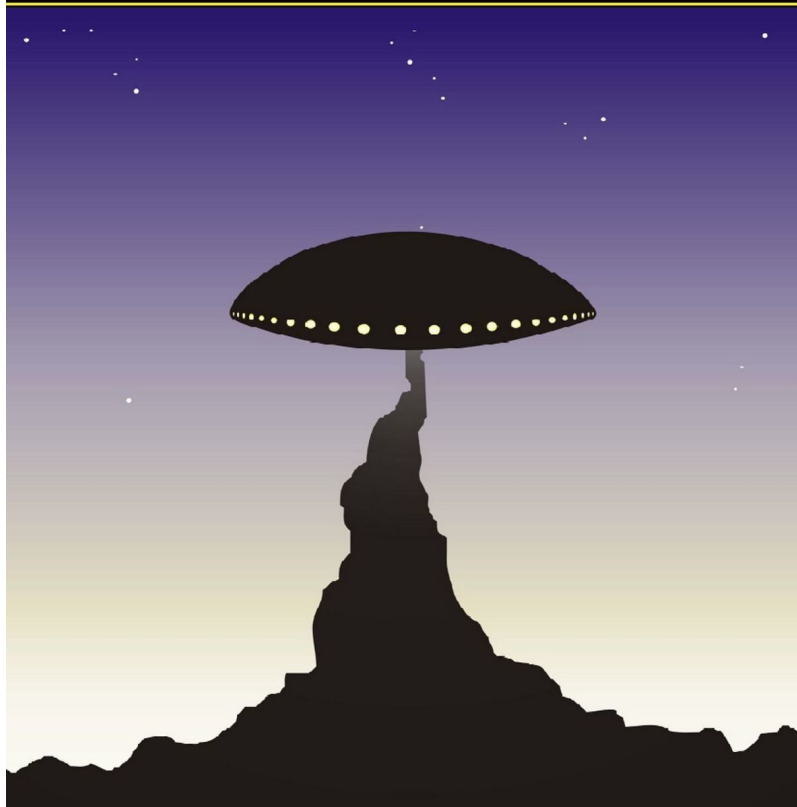

Сергей Сюрсин

ФАНТАСТИКА

Все демоны. Чарка

Сергей Сюрсин

Фантастика. Все демоны. Чарка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11310890

ISBN 9785447417710

Аннотация

Вторая книга содержит фантастические повести «Все демоны» (мистический детектив) и «Чарка» (постапокалипсис). «Все демоны»: Герой повести при поисках пропавшего друга сталкивается с противодействием мистических сил. Выстоять и победить удастся, только узнав природу этих сил. «Чарка»: После катастрофы на планете выжили два вида людей. Одни выживают в развалинах городов, другие освоили океан. Между ними вражда. Горожанин спасает чарку и открывает для своего народа новый путь.

Содержание

Все демоны	5
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Фантастика

Все демоны. Чарка

Сергей Сюрсин

Дизайнер обложки Игорь Владимирович Михеев

© Сергей Сюрсин, 2018

© Игорь Владимирович Михеев, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4474-1771-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все демоны

На этот раз я незаметно для себя нагрузился основательно и, поднимаясь по лестнице, вынужден следить за выкрутасами ступенек под ногами и придерживать руками покачивающуюся стену. Поэтому, когда руки натыкаются на почтовый ящик, мне в голову приходит мысль, что неплохо было бы захватить по пути корреспонденцию, скопившуюся там за несколько дней, и которую я в спешке и лени не удосуживался вытащить.

Ключ от ящика, как обычно, затаился где-то в карманах и желает поиграть со мной в прятки. Я плюю на его заигрывания и выворачиваю дверцу. Секция чудом остается на месте, но цель достигнута – ящик открыт. Он битком набит газетами и журналами – всяческой макулатурой, которую я неизвестно зачем выписываю. Ведь на то, чтобы прочесть или хотя бы просто просмотреть все это, у меня абсолютно не хватает времени. Пачка изрядная, и я уже сожалею, что совсем некстати связался с ней. Но отступать я не привык и решительно выгребаю все из ящика.

После неудачной попытки закрыть дверцу ящика я, как матерый пират, устремляюсь на abordаж следующего лестничного пролета, но тут замечаю почтовый конверт, элегантно разлегшийся на освещенной ступеньке. Лежит он здесь издавна или же выпал, когда я пытался закрыть ящик, – это-

го я не знаю. Склоняюсь ко второму предположению. Поэтому, стараясь не терять третьей опоры, стены, тянусь за ним. Занятие это довольно рискованное. Того и гляди, как бы какая-нибудь особо ретивая ступенька не съездила по зубам. К тому же конверт упорно не желает даваться в руки, ловко ускользая меж пальцев в самый последний момент. Возможно, он хочет поиграть со мной в прятки, но я потакать ему не намерен.

– Кис – кис! – сюсюкаю я, стараясь задобрить его, запудрить мозги и заставить потерять бдительность, – иди сюда, не бойся. Я конверты не ем, чес-с слово!

Тот задумывается над моими словами. Улучив момент, хватаю его.

– Попался! – рычу злорадно. – Прощайся с жизнью!

Зажав конверт для верности в зубах, запихнув к нему в компанию остальные газеты, иду на приступ лестничного бастиона.

Знал бы я, что готовит мне судьба в этом конверте, ни за что бы не нагнулся. Гордо прошел бы мимо, несмотря на все его заигрывания. А к утру от него и следа бы не осталось. Пацаны изорвали бы ради хохмы. Или какая-нибудь в меру любопытная соседка прибрала бы его и попалась вместо меня на удочку. Увы, содеянного уже не вернуть!

Письмо оказалось адресованным мне, причем отсутствие обратного адреса указывало на его анонимность. Это меня слегка интригует. Захватив конверт, отправляюсь на кухню,

где между двумя стаканами крепчайшего чая, принятыми для восстановления нарушенного баланса между душой и телом, распечатываю его и нахожу обычную почтовую открытку, которыми обставлены все почтовые киоски. На открытке наспех и непонятно набросано: «Кам. хр., 215, В325».

Это уже смахивает на сюжет из детективного романа. Я представляю, как кто-то неизвестный, преследуемый по пятам вооруженной бандой, прячет обличающие ее документы или сокровища в сейф, судя по всему камеры хранения, но пуля настигает его у почтового ящика, куда он, собрав последние силы, бросает зашифрованное сообщение. Только почему оно адресовано мне?

Заглядываю на всякий случай в конверт, но ничего больше оттуда не выуживаю. Следы тайнописи на открытке также отсутствуют. Ничего странного в этом письме, собственно говоря, для меня нет. Существует определенная категория лиц, которые что-то знают, но не желают, чтобы их имя фигурировало в этом деле. Мне уже приходилось связываться с такими случаями, и, позвольте признаться, передачи выходили неплохие. И из этого можно слепить какой-нибудь жареный сюжетик.

Должен сказать, что я работаю режиссером на телестудии. Работа не пыльная, мне нравится. К тому же есть в ней что-то такое, что позволяет оптимистичнее смотреть на этот безумный мир и осознавать, что не напрасно портишь воздух своими миазмами. Потому-то я и специализируюсь на скандаль-

ной хронике. Выживаю из жизни нашего заштатного городка острые моменты и выношу на всеобщее обозрение в субботней «Панораме». Эффект бывает иногда такой оглушительный, что сверху слышится громогласное рычание, и мое руководство рвет на голове волосы и издает приказы о моем увольнении. Потом все постепенно затихает. До очередного скандала. Без меня студия совсем бы захирела, Там это понимают и, скрипя душой, мирятся с таким положением вещей.

Сейчас мне надо бы лететь за этими документами, но воспоминание о лестнице низводит меня на грустные размышления. Потому я отправляюсь спать, решив заняться ими на следующий день.

...Я стою в толпе. Угрюмой безучастной толпе, сероликой, безмолвной, смирившейся в ожидании чего-то страшного и неизбежного. Воздух насыщен серым промозглым туманом, им же насквозь пропитаны наши тела. В тумане теряются люди. Не видно ничего. Только прямо перед нами смутно проступает стена и скат крыши конусообразного здания, такого же серого. И туман, и здание, и мы сами застыли в неподвижности, словно восковые фигуры. Ни дуновения ветерка, ни шелеста деревьев, ни шороха одежды. Застыли навечно. Только тяжелые гнетущие мысли, мурашками копошащиеся в голове, создают ощущение реального, не вымышленного присутствия. Да еще оживляют эту серую бес-

цветную картину алые сполохи, пробивающиеся сквозь туман сверху, с того места, где должен кончаться конек крыши. Эта неизвестность, тоскливое ожидание страшного суда невыносимо. Сломив сопротивление апатичного тела, я делаю шаг – другой в сторону, стараясь не терять из виду здание. Меня тут же окружает со всех сторон туман. Люди растворяются в нем.

Крыша у здания низкая, что позволяет мне без особого труда забраться на нее. Ползу вверх, к полыхающему размытому пятну. Пятно все ближе, яснее. Передо мной открывается отверстие, из которого вырывается столб багрового света. Застыв в изумлении и ужасе, смотрю вниз, не в силах оторвать взгляда. А там полыхает море огня, видны корчащиеся в нем тела, мелькают темные фигуры. Жар и запах горелого мяса доносится до меня, и я мгновенно покрываюсь холодным потом. Это же... И тут кто-то хватает меня за ноги и сбрасывает вниз, в огонь. Мелькает черная волосатая морда. Я падаю и ору благим матом...

Вскочив весь в поту, ничего не соображая, я ошалело таращусь в темноту. В ушах все еще стоит исторгнутый мною дикий вопль. Где я? Что со мной? Вокруг тишина и черное безмолвие. Ни времени, ни пространства. Я один в этом безмерном мраке. Впрочем, нет, не один. Кто-то неопределимый и жуткий присутствует рядом. Я чувствую его, и от этого чувства, липкого как страх, у меня по спине бегут мурашки.

Постепенно сознание проясняется, и до меня доходит, что я дома, в своей постели, а все остальное – кошмарный сон. Вот только ощущение присутствия в комнате кого-то чужого остается реальным. Это подтверждает блеклый круг света, ползающий по журнальному столику, что стоит у изголовья кровати. Я замечаю его боковым зрением, но ни повернуть головы, ни вскочить, ни заорать, чтобы спугнуть ночного гостя, не могу. Тело сковано по рукам и ногам какой-то неведомой силой. Даже взгляд – и тот отвести не в состоянии. Только безропотно слежу за тем, что творится на столике. А непрошенный посетитель неспеша перебирает бумаги. Его самого не видно, только газеты – одна за другой – поднимаются и аккуратной стопкой укладываются в сторонке. Что-то неестественное, мистическое грезится в этих действиях. Гнездящийся глубоко внутри страх выступает наружу. Волосы на голове шевелятся сами собой, мозги вмиг очищаются от хмельной тяжести. Собрал в кулак все свои силы, пытаюсь сдвинуться, но не могу. Только мысли лихорадочно ворошатся в голове, пытаюсь найти объяснение происходящему. От этого, от беспомощности стиснутого в коконе тела они кружатся все быстрее. Я чувствую, как подхожу к грани срыва, за которой беспамятство или сумасшествие.

И тогда, словно почувствовав мое состояние, свет гаснет. На меня валится темнота. Оцепенение исчезает. Падаю мешком на постель, зарываюсь в подушку и, укрывшись с головой одеялом, лежу, не в силах ни заснуть, ни решительно

и смело откинуть одеяло.

Полудюймовое сверло впивается в затылок и принимается с визгом и скрежетом вгрызаться все глубже и глубже. Не в силах более терпеть, трясую головой и... просыпаюсь. Уже рассвело, и лучи солнца осторожно заглядывают в окно. Сверло исчезло, но визг и скрежет продолжают. Постепенно звуки трансформируются в дребезжащий звон. До меня, наконец, доходит, что звонит телефон. Протянув руку, промахнувшись, все же зацепляю его и прижимаю трубку к уху.

– Серега! – узнаю голос Димыча, нашего оператора.

– Ну! – вяло буркаю я.

– Ты что, спишь еще?! – озмущенно орет Димыч.

– Не совсем. И не кричи так, у меня со слухом полный порядок.

– А со временем у тебя тоже порядок? Знаешь сколько уже?

– Время? – я бросаю взгляд на будильник, стоящий на журнальном столике. Стопка бумаг, лежащая на нем, вызывает какое-то смутное воспоминание, но я не обращаю на него внимание. – Со временем у меня тоже все в порядке. У тебя что, часы остановились?

В трубке слышится какое-то кудахтанье.

– Ладно, успокойся, – благодушно произношу я. – Сейчас полдевятого.

Кудахтанье прерывается, и Димыч опять орет. Опаса-

ьясь за сохранность своих барабанных перепонок, отодвигаю трубку на безопасное расстояние.

– Ты никак с утра уже тепленький? – надсаживается он. – К вашему сведению, сэръ, уже десять. И вам давно уже надлежит быть в студии.

Чувствуя подвох, тянусь к будильнику. С ним все в норме, тикает исправно.

– Кончай свистеть, – я придаю голосу болезненное выражение. – Мне и без того тяжело. – Впрочем, особо притворяться нужды нет. Внутри меня гнездится дрожащая пустота. В голову забрался чугунный колокол и бухает там, сотрясая все внутренности.

– Да проснись ты, наконец! – децибелы Димыча впадают в резонанс с буханьем колокола, вызывая в желудке приступ тошноты. – Погляди в окно. День на дворе.

– Ну и черт с ним! – злюсь я. – По мне хоть день, хоть вечер – все едино. Не помрете там без меня. Пристал, как репей!

– Я бы не приставал, – снижает обороты Димыч, – да тебя тут разыскивают. С ног сбились. Шеф в ярости, грозит всеми карами небесными и земными.

– Что случилось?

– Да так, пустяки. Дело не в них, а в том, что тебя нет на рабочем месте. Опять по холке получить хочешь?

– А мне не привыкать. Ладно, сейчас приеду.

День начинается скверно и обещает кончиться еще хуже.

Не желая искушать судьбу, соскакиваю с постели и суетливо мечусь по квартире, одновременно одеваясь, умываясь и завтракая, вернее, выпивая на ходу стакан холодного вчерашнего чая. Наручные часы, обнаруженные на кухонном столе, указывают на десять, что придает мне дополнительное ускорение. Все-таки подвел будильник, чего за ним раньше не замечалось.

На ходу запнув подальше какой-то конверт, валяющийся на полу и придающий ему неухоженный вид, я вылетаю из квартиры.

Как назло одним из первых попадаетесь шеф.

– Мы, наконец, изволили появиться, – ехидно констатирует он и уже строго, с не сулящими ничего хорошего нотками в голосе добавляет. – Зайдешь после ко мне.

Почесав свою бедную шею, которой, судя по всему, сегодня крепко достанется, мычу невразумительно-извинительный ответ и ретируюсь в студию.

– Ну, что здесь стряслось? – накидываюсь на Димыча.

– Люди ждут. Представители общественности, так сказать.

– По какому делу?

– Наблюдали вчера над городом летающую тарелку.

– Чего? – я оторопело опускаюсь на стул.

– Тарелку, говорю, летающую видели. Неопознанный летающий объект, НЛО, понимаешь?

– Это я уже понял. Дальше-то что?

– А дальше ничего. Вот пришли, хотят поделиться впечатлениями.

– ... твою! – рычу я. – Стоило из-за какой-то паршивой тарелки весь сыр- бор разводить! Я уж подумал, что опять наверху зашевелились, а вы – тарелка. Тьфу!

– Ты не кипятись, Серега, – пытается успокоить меня Димыч. – Разве это не интересно?

– Может и интересно, но только не мне. У меня другой стиль работы. Да и была ли она вообще, эта ваша тарелка? Блажь!

– Ничуть не блажь. Многие видели. Нас уже с утра звонками достали. Даже из редакции звонили. Шеф дал указание сделать передачу.

– Па-а-шел он со своей передачей! Пусть сам делает. Я такой материал катать не буду.

– Не ерепенься, Серега, не накаляй обстановку. Давай, пошли. Я уже аппаратуру настроил.

– Дай сигарету, – устало прошу я.

– На, – вытаскивает Димыч пачку, – покури, успокойся и подходи. Я буду в операторской.

– А как снимать-то? – я уже затихаю. – У меня ни сценария, ни вообще каких-либо наметок.

– Делай, как обычно – экспромтом. Потом смонтируем.

– Дал вас бог на мою голову! – сплюнув, я тяжело поднимаюсь, – и тебя, и шефа твоего. Ступай на пульт!

– Ну вот, – хлопает Димыч меня по спине, – порядочек!

Съемочная площадка занимает обширное помещение, но из-за того, что две трети ее забиты телекамерами и различной бутафорией, сама она сузилась до размеров пяточка. То и дело спотыкаясь о кабели, извивающиеся на полу в разных направлениях, я пробираюсь сквозь эти катакомбы и оказываюсь на пяточке. Здесь уже стоит столик с креслами, ширмы подсвечены в соответствующей тональности, подведен микрофон и камеры. Я критически окидываю все это, заглядываю в видоискатели камер, слегка поправляю подсветку и остаюсь доволен. Димыч потрудился на славу. Вот только народа что-то не видать.

– Эй, есть здесь кто-нибудь? – кричу в никуда, вызывая гулкое эхо.

Слышится шорох, из-за розового слоненка выходят парень с девушкой.

– Вам кого?

– Вас, – не очень приветливо отзываюсь я. – Где остальные?

– Здесь еще старичок где-то бродит, – несмело отвечает девушка.

– А операторы где?

Она в ответ пожимает плечами.

– Димыч, – кричу я в микрофон, чувствуя, как на меня уже накатывает нетерпеливый ажиотаж съемки, – где ребя-

та?

– Вставай, поднимайся, рабочий народ! – грохочет голо-
сом Димыча динамик, включенный на полную мощь.

Из катакомб выскакивают взъерошенные Славка и Валерка.
Физиономии заспанные. Вслед за ними появляется низенький испуганный старикан, весь в паутине.

– Опять! – накидываюсь на ребят. – Вы когда перестанете
спать на рабочем месте? Всех уволю!

– Берем пример с начальства, – вытянувшись по стойке
смирно, рапортует ухмыляющийся Славка.

– Поговори мне! Вот доберусь, всех твоих девок поразго-
ню, – свирепею я. – Будешь тогда по ночам спать, как все
нормальные люди.

Славка недавно учудил – заснул во время прямой переда-
чи в эфир. Димычу, как старшему, влетело за срыв переда-
чи. Несмотря на это ни ему, ни мне не хотелось расставаться
с этими вечно спящими как сурки, но никогда не уныва-
ющими ребятами.

– Вы отряхивайтесь и рассаживайтесь, – говорю я пред-
ставителям общественности, – привыкайте к обстановке. Я
погляжу, что получается, – и лечу в операторскую.

Димыч уже выставил на экранах мониторов экспозиции,
и мы принимаемся совместно корректировать.

– Славка, наедь поближе. Валера, чуть правее. Куда ты
залез, олух, в луч прожектора! – я в родной стихии и уже
не чувствую тяжести в голове. Забываю о суматошном утре

и предстоящей экзекуции у шефа. Передо мной – съемка, процесс творчества, создания из ничего той самой штуки, которая называется искусством.

Дед быстро осваивается и ведет себя спокойно, буднично. Девчонка все прихорашивается, стремясь попасть на экран во всей своей существующей и несуществующей красе. Зато парень внушает опасения. Побледневший, он сидит неподвижно, уставившись замороженным взглядом в объектив.

– Ну-ну, спокойнее, малыш, расслабься, – подбадриваю его. – Кушать тебя никто не собирается. Мы уже позавтракали.

Девчонка исподтишка тычет его локтем в бок. Парень вымученно улыбается, но позу не меняет.

– Испортит съемку, – морщится Димыч. – Может без него?

– Нет, – отвечаю я, – массовости не будет. Я там по ходу дела встряхну его как – нибудь. Начинай сразу. Когда – поймешь. Ну, я пошел.

– Освоились? – спрашиваю, усаживаясь за столик. – Теперь можно немного поговорить. А ты не дрейфь! – хлопаю по колену начавшего опять бледнеть парня. – Лучше погляди, какая рядом деваха сидит симпатичная. И вообще, – обращаюсь уже ко всем, – никто вас пока не снимает. Сейчас посидим, поговорим, отрепетируем, а потом уже пойдет запись. Все, поехали. Добрый день! – обращаюсь я к объективу телекамеры. – Наконец-то и в нашем инфантильном городе

начинают происходить невероятные события. Обычно о таких случаях мы узнавали из газет и по радио. И вот к нам пожаловала первая летающая тарелка, первый представитель инопланетных цивилизаций. Многие, вероятно, видели ее этой ночью, а тем, кто прозевал такое зрелище, советуем послушать нас и на будущее почаще поднимать глаза к небу, почаще отвлекаться от брэнной суеты нашей жизни. Итак, у нас в гостях очевидцы этого события. Вот их мы и попросим рассказать. Представьте, пожалуйста, – обращаюсь к прекрасной половине человечества.

– Соколова Елена, – говорит девушка.

– Работаете или учитесь?

– Учусь в колледже.

– Расскажите, Лена, что вы видели, – я кидаю взгляд на окно операторской. Димыч показывает, что все идет отлично, запись началась.

– Мы с Олегом, – Соколова кивает на парня, – возвращались из кино. Поздно уже было. Ночь. На небе яркие звезды. Вдруг видим – низко, почти над самыми крышами домов что-то яркое, золотистое. Я сначала внимания не обратила, подумала, что это обычный прожектор, а потом присмотрелась, – а оно движется. Причем, перемещается рывками. Пролетит немного, остановится, затем снова движется. Словно ищет что.

– Это был неопознанный летающий объект? – прерываю ее монолог. – Что он собой представлял, кроме того, что был

яркий и золотистый?

– Ну, – Соколова задумывается, – он был похож на шар...

– Эллипс, – вклинивается парень.

– Нет, шар, – возражает девушка. – Размером примерно с воздушный шарик.

– Эллипс, – упрямо повторяет парень.

– Так-так, – оживляюсь я и обращаюсь к парню, – Олег...

– Просто Олег. Смирнов. Мы с Леной вместе учимся.

– Значит вы, Олег, уверены, что объект был эллиптической формы?

– Ну да, какой же еще! – не обращает внимания Олег на демонстративно хмыкнувшую девчонку.

– Девчонка-то с норовом, – внутренне улыбаюсь я, – да и парень тоже. Тяжеловато им приходится при общении друг с другом.

– Вы зря спорите, молодые люди, – подает голос старичок. – НЛО бывает различной формы. К тому же они имеют способность выглядеть по-разному даже для стоящих рядом людей. Есть свидетельства даже о таких случаях, когда один человек наблюдал его, а другой, находящийся рядом, ничего не видел. По-видимому, объект каким-то образом воздействует на зрительные и мозговые центры человека. В зависимости от своей индивидуальности тот видит соответствующую форму.

– Отлично! – думаю я. – Задействованся третий участник. Все идет как по маслу. Только бы срыва не вышло.

Димыч поднимает вверх большой палец. Тоже доволен.

– Расскажите о себе, – обращаюсь к старику.

– Варенуха Иван Савельич, – по-старинному жеманно склоняет голову дед. – Пенсионер и по совместительству руководитель городской сессии по аномальным явлениям.

– О, да вы профессионал!

– Скажу без излишней скромности – в какой-то мере да.

– Чем вы занимаетесь в секции? Расскажите, пожалуйста, подробнее. Нашим зрителям будет интересно узнать о существовании в городе такого неординарного клуба.

– Клуб у нас действительно необычный, – дед, похоже, затянет свою речь минут на пять. У меня появляется возможность передохнуть, и я откидываюсь на спинку кресла. – И народ у нас подобрался также непростой. Одержимый, можно сказать. Все, – а нас в секции одиннадцать человек – искренне верят в существование инопланетных цивилизаций, в посещение их кораблями нашей матушки Земли, в реальность контактов землян с пришельцами. Мы занимаемся сбором и классификацией случаев контакта, проводим анализ каждого случая, прорабатываем версии поведения человека и пришельца при контакте, пытаемся найти объяснение каждому факту контакта. Поддерживаем связь с секциями в других городах, ведем взаимообмен информацией. Наша секция зарегистрирована в Центральном Комитете по Энергообмену в природе. С ним у нас ведется деятельная переписка.

Слушаю Ивана Савельича с заинтересованным выражением лица, а в голове назойливо свербит какая-то мысль. Будто я должен вспомнить что-то, а что – забыл. И никакие усилия вытащить эту мысль наверх не дают ощутимых результатов. Только опять начинает бухать в голове колокол. Трудно делать заинтересованное лицо и кивать понимающе головой и в то же время думать совершенно о другом, хотя меня и нет в данный момент на экране. Но все равно лучше держать форму. Иначе можно не успеть переключиться, и тогда получится срыв.

Варенуха продолжает увлеченно рассказывать. В разговор включаются Олег с Еленой. Я спохватываюсь, что пора брать инициативу в свои руки.

– Итак, Иван Савельич, – направляю разговор в нужное русло, – вернемся к ночному событию.

– Событию? Ах, да, – Иван Савельич неожиданно переключается на меня. – А вы, Сережа, верите в инопланетный разум?

Я теряюсь. Вот он срыв! Я не готов к этому вопросу, но умудряюсь вывернуться.

– Честно говоря, я над этим не задумывался. Мне с ними встречаться еще не приходилось. Но я склонен к вашей концепции, – вру под конец.

На Димыча я не гляжу. Ни к чему читать укоризну в его глазах.

– Очень жаль, – говорит Иван Савельич, – что у вас нет

убежденности. Вера зиждется на убежденности, а убежденность порождается фактами. Приходите к нам в секцию, и, смею уверить, убежденность у вас появится. Мы приглашаем также всех желающих, – обращается он к объективу.

– Итак, – продолжает Иван Савельич, – я сидел на балконе, дышал свежим воздухом. Было около часа ночи. Небо чистое, ни единого облачка. Звезды мерцают, красиво, загадочно. И вдруг она появилась. Откуда – заметить не успел. Оставалось только следить за ее движением. Между прочим, это был шар, – наклоняется он извиняюще к Смирнову.

– Куда же он летел? – поддерживаю я разговор.

– Двигался зигзагами и довольно долго, пока, наконец, не замер над районом пятихаток. Выпустил вниз еле видимый луч света.

– Интересно, что он там искал? – любопытствую я.

– По всей видимости, контактера. И, похоже, нашел, ибо, повисев там минут двадцать, шар вдруг сорвался с места и стремительно ушел по касательной в небо.

– Вот бы отыскать этого контактера и поговорить с ним, – мечтаю я вслух, и вдруг мысль, свербящая в голове, вырывается на волю. Ночь. Кружок света, ползающий по столику... Газеты, перекладываемые с места на место... Сковавшая меня неведомая сила... Внутри холодеет. Пятихатки – это ведь мой район! Луч от шара и круг света на столике. И по времени примерно совпадает. Похоже, контактер – это я сам, собственной персоной.

Дальнейшую передачу веду не наилучшим образом. Предположение, завладевшее мной, мешает думать и правильно строить диалоги. Задаю вопросы невпопад, сбиваю разговор. Вымучив себя и интервьюеров, отпускаю их, несказанно удивив тем, что передача записана, и нужды в них больше нет. Поднимаюсь в операторскую.

– Что с тобой? – встречает Димыч. – Так хорошо вел, а потом...

– Плохо мне стало, – падаю на стул, – заступило.

– Вижу, – качает Димыч головой. – Эх, женить тебя надо, Серега.

– Ой, – морщусь я, – только не это. И не сейчас. И вообще отстань от меня на часок-другой.

– А как же с просмотром?

– Не до него мне. Ломай, крути, монтируй сам, как хочешь, а я... – поднимаюсь я, – я пошел.

– Куда? – удивляется Димыч. – А шеф?

– Потом, – отмахиваюсь я. – Не до него мне.

– Что хоть сказать ему в случае чего? – кричит он вслед. Я не удосаживаю его ответом.

В квартиру вхожу как в логово зверя. Все здесь родное, знакомое, но в то же время вызывает ощущение необычного, загадочного. Одежда брошена как попало, – кто-то ее сорвал и бросил... Створка шкафа приоткрыта, – кто-то в нем рылся... Первым делом направляюсь к журнальному столи-

ку, чтобы еще раз убедиться в реальности ночного события. Газеты и журналы лежат стопкой! Значит, это видение – пятно света, перекладываемые с места на место бумаги – было в действительности. Сам я никогда бы так аккуратно их не сложил. Такое не в моей натуре. По мне так нужен деловой беспорядок, куча бумаг, разбросанных в беспорядке на столе, на постели и полу. Сраженный, опускаюсь в кресло и плююсь на столик. Будто он сейчас не выдержит и признается во всем.

Действительно ли ночью у меня были инопланетяне? Настолько ли я важная персона, что заинтересовал их? И не смехотворна ли сама по себе мысль, что они проделали путь в миллиарды километров только ради того, чтобы исподтишка порыться ночью на моем столике? Вот уж действительно заступило у меня во время съемки. Дойти до абсурда и принять мелкого воришку за инопланетянина. Да простят они мне это, если, конечно, существуют на самом деле. Подступает облегчение, и я по-идиотски хихикаю. Винить во всем можно только студию, съемку, атмосферу, возникшую во время интервью с теми чокнутыми. Вот так и порождаются слухи об инопланетянах. Кто-то увидел что-то непонятное и тут же приписал это сверхъестественному. Рассказал другому. Тот в свою очередь сопоставил рассказ с некоторыми фактами и пришел к выводу о неземном присутствии. Как и я. Но я-то трезвый человек, реально смотрящий на вещи. Со мной такой номер не пройдет! Не было никаких

инопланетян. Был обычный квартирный вор, набравшийся наглости и в присутствии хозяина шаривший по квартире.

– Но вор-то Все-таки был! – подскакиваю я. – Интересно, что могло его заинтересовать в моей квартире? Ценного у меня вроде бы ничего нет. Золота и драгоценностей не держу. И без них еле концы с концами свожу из-за своего, скажем, не совсем аскетического образа жизни. Студийный видак и репортерский магнитофон? Но вон они, на месте. Тогда что? Может, это связано с моей работой и событиями, произошедшими за последние дни? Я мучительно ворошу в растрепанных мозгах, пытаюсь вспомнить вчерашний день и все предыдущие. Чем занимался, что такое мог сделать, что вызвало чей-то интерес? Увы, в голову ничего не приходит. Все было обычным, до того обрыдлым, что жизнь из-за этого казалась серой и скучной до смерти. Впрочем, что-то Все-таки было, и не далее как вчера. Это я помню интуитивно, но что именно, вспомнить не могу. Разгадка где-то совсем рядышком.

– Спокойно, – говорю себе, – пойдем другим путем. Не сначала, а с конца. Что могли искать эти ребята? Вероятно, какой-то документ. Раз не обратили внимания на аппаратуру и рылись в бумагах. А что может там быть? Я с опаской притрагиваюсь к стопке и осторожно перебираю бумаги. К тому времени, когда стопка кончается, я уже уверен, что ничего здесь не найду. Это должно быть не здесь, а если и было, то его уже нет. Ночью кто-то не зря поработал.

Телефонный звонок подбрасывает меня в кресле.

– Черт, совсем из колеи выбило! – ворчу, снимая трубку. –

Все, никаких больше поисков, только отдыхать. Алло!

– Сергей? – в трубке незнакомый женский голос.

– Да.

– Мне необходимо встретиться с вами.

– Я занят, – отвечаю не очень вежливо. Видно, опять какой-то мотылек летит, хочет немного погреться в лучах славы. До смерти надоели поклонницы!

– Дело очень важное, и только вы можете помочь, – зудит голос.

– Я уже объяснил – у меня нет времени, – терпеливо объясняю я. – в следующий раз.

– Я не могу в следующий раз. Потом будет уже поздно. Выслушайте меня, – молит голос.

– Отстаньте вы все от меня! – рявкаю я неожиданно даже для себя самого. – Надоели! – и бросаю трубку.

– Нервы уже никудышные, – оправдываюсь перед аппаратом.

Разговор с назойливой дамой совершенно сбивает меня с толку, и, посидев немного и окончательно потеряв нить рассуждений, я плетусь на кухню. Время обеденное, и желудок уже настойчиво напоминает о себе. Со вчерашнего кусок в горло не лезет. Ограничиваюсь стаканом чая. Прихлебывая горячий напиток, погружаюсь опять в свои думы. Взгляд, бесцельно перелетая с предмета на предмет, натыка-

ется на белый уголок, выглядывающий из-под плиты. Сбившись, раздосадовано отворачиваюсь и возвращаюсь к мыслям, но белый клочок стоит перед глазами, мешая сосредоточиться. Чтобы избавиться от наваждения, я вынужден отставить стакан в сторону и заняться клочком.

Клочок оказывается конвертом. Глянув на адрес, я тут же вспоминаю, откуда он и что в нем должно быть. Но внутри пусто. Ни открытки, ни маломальского следа ее присутствия. Бегу в комнату и снова перебираю бумаги. Тщетно. Открытки среди них нет. И быть не может. Припоминаю, что распечатывал конверт на кухне и открытку тоже там читал. Конверт на месте, а ее нет. Обыскиваю всю кухню, заглядываю за каждый угол, в каждую щель. Открытка будто провалилась. Куда она делась, – ответить на этот вопрос я затрудняюсь. В голове только обрывки мыслей и ночных эпизодов, местами сплошные провалы. Целостную картину из этого составить невозможно. Отчаявшись, сажусь и сверлю взглядом конверт.

От бесплодных раздумий меня отрывает звонок. Нехотя поднявшись, отпираю дверь. За дверью стоит девушка. Молоденькая и к тому же симпатичная. В другое время я не отказался бы от возможности поволочиться за такой, но сейчас, занятый всецело своей потерей, неласково буркаю:

– Вам кого?

– Вас, – отвечает она. – Можно войти?

Я теряюсь и отступаю в сторону. Паломниц мне только

не хватало!

– Пройдемте на кухню, – я киваю на комнату, – у меня не прибрано.

– Чай будете? – Это уже на кухне.

Девушка пожимает плечами. Приняв за знак согласия, наливаю и ей.

– Итак, слушаю вас, – я предлагаю ей табуретку и сажусь напротив.

– Я вам звонила сегодня.

– А-а, – тяну разочарованно. – Девушка, милая, поймите, – мне сегодня не до вас. Честное слово. Давайте сделаем так, раз уж вы пришли, – мы сейчас попьем чай, а потом вы уйдете. А поговорим завтра или, еще лучше, послезавтра.

– Но я не могу ждать. У меня беда, а вы... – девушка всхлипывает.

Уж чего, а женских слез я выносить не могу. Вся моя решительность моментально улетучивается.

– Ладно, рассказывайте, – обречено вздыхаю, уже не надеясь заняться своими делами.

– Брат у меня пропал. Третий день уже пошел, а его все нет.

– В милицию заявили?

– Да. Но они молчат, ничего не говорят.

– Значит, не могут пока найти. И вы решили обратиться ко мне. Сожалею, – развожу я руками, – но помочь не могу. Я не сыскное бюро.

Девушка нервно комкает платок.

– Я попробую, – поглядываю искоса на платок. – У меня есть там связи. Может, удастся что выяснить. Расскажите подробнее, как исчез ваш брат. Как его зовут?

– Олег. Ветров.

– Ветров?

– Да. Вы его должны помнить.

– Конечно. Как же не помнить, – с Олегом Ветровым связаны мои детские воспоминания. Вместе росли, жили в одном доме, в одном классе учились. Друзья были закадычные. Потом он женился, мы поменяли квартиру, и пути наши разошлись. Но все равно, случайно встречаясь, подолгу стояли, разговаривали, вспоминая былую юность.

– Постой! – запоздало доходит до меня. – Так ты – Галка?

– Ага, – кивает девушка.

– Вот не ожидал! – я недоверчиво разглядываю ее. – Я ж тебя помню вот такой куклой. Это надо же, – была такая соплюха и вдруг... Из гадкого утенка – и такая принцесса-лебедь.

– Допустим, ты тоже не блистал, – парирует она, недовольная некоторыми моими сравнениями.

– Что ж ты сразу не сказала? – накидываюсь я на нее. – У меня сегодня день тяжелый, мог и послать подальше.

– Я думала, – вы, может, уже и не помните нас.

– Здравсьте! Не помните! – возмущаюсь я. – И вообще, что ты мне тут «выкаешь»? Я тебе что – дядя чужой?

– Нет. В... – Галка запинается, – ты, Сергей, не обижайся. Ты вон кем стал. Мог и друзей забыть.

– Дура! – беззлобно ругаю ее. – Кем стал! Разве со стороны видно, что это такое – «кем»? Ничего-то вы не знаете. Так что с Олегом?

Галка сбивчиво рассказывает о произошедшем. Олег исчез неожиданно, без каких-либо причин. Даже об исчезновении они узнали случайно. Позавчера намеревался зайти вечером к родителям (Галка живет вместе с ними до сих пор там же, в старом доме). Но не пришел. На следующий день позвонили в институт, где он работал. Там ответили, что на работу он не вышел. Домашний телефон тоже молчал, не отзывался. Мать тогда не на шутку встревожилась и послала Галку домой к брату, благо ключи от его квартиры имелись. Олега дома не оказалось, но обстановка в квартире была такова, что Галка перепуганная примчалась домой. Посуда перебита, осколки валялись повсюду. И тогда начался настоящий переполох. Вызвали милицию, с трудом дозвонились до Ларисы, его жены, которая накануне уехала с дочерью погостить к своим в деревню. Лариса заявила в слезах и панике, но без мужа. Ни Олега, ни его следов обнаружить так и не удалось.

– Сейчас поисками милиция занимается, – заканчивает Галка, – но уже третий день пошел, а они молчат. Говорят, что следственная тайна и разглашению не подлежит.

– И ты решила обратиться ко мне.

Галка кивает.

– Может, ты узнаешь хоть что-то. Ты Все-таки известный...

– Скандалист, – продолжаю я. – Сомневаюсь, что они обрадуются, узнав, что я вклиниваюсь в это дело. Но это их проблемы. Попробую. У меня там есть кое-какие неофициальные каналы. – Я замолкаю, удивленный поведением Галки. Она впивается глазами в стол, за которым мы сидим. Лицо ее бледнеет.

– Откуда это? – вздрагивают ее губы.

– Что? – не врубаюсь я.

– Письмо, – она выхватывает из-под моего локтя злополучный конверт. – Ведь это... – с секунду Галка молчит, впившись в него, и безмолвно шевеля губами, – это же Олега! – кричит она, вскочив и размахивая им в опасной близости от моего носа, – почерк его. Как оно к тебе попало? Где он? Что пишет? – она лихорадочно роется в конверте. – Тут ничего нет. Где письмо?

– Сядь! – прикрикиваю на нее. Вырываю конверт и разглядываю, словно вижу его впервые. Что толку – почерк Олега я все равно не помню.

– Как попало? – я недоволен собой, хотя вины моей в этом нет. – Обычно. По почте пришло. Откуда я мог знать, что это его письмо. Знал бы, так по-другому все было бы.

– Что все? – зловещим шепотом спрашивает Галка.

– Нет у меня письма, – огрызаюсь я, – нет. Было, а теперь

нет. Исчезло. Потерялось.

– Как исчезло? Почему?

– Не знаю, – я боюсь смотреть ей в глаза. – В конверте открытка была, а на ней – шифр какой-то. Точно не помню, но, похоже, что камеры хранения. И больше ничего.

– Где открытка? – надвигается на меня Галка и тормозит, рискуя порвать рубашку. Спасает меня какой-то звук, донесшийся из комнаты. Вырвавшись из рук разъяренной фурии, кидаюсь туда.

Будильник лежит на полу. Вокруг рассыпались фейерверком осколки стекла. Как он умудрился свалиться со столика, не представляю. Видимо, я сдвинул его к самому краю, когда рылся в бумагах, и вот он... Я поднимаю его и подношу к уху.

– Кранты! – сообщаю подошедшей Галке.

И тут в моей голове что-то щелкает, и все становится на свои места.

– Гал, – говорю я, – извини, но так уж получилось. Открытку не найти.

– Почему? Ты уверен?

– Дело в том, что ночью у меня шарились воры, – по Галкиным глазам видно, что она не верит мне, – и искали, по всей видимости, как раз ее.

– Почему ты так решил?

– Потому что рылись в бумагах на столике, – я сам видел. Потому что ничего больше не взяли. Деньги, аппаратура нетронуты. Потому что, наконец, меня не тронули. А раз

не тронули, значит, то, что искали, нашли.

– А ты что в это время делал? Лежал и смотрел на них? Или дрожал скрюченный под одеялом?

– А это уж не твое дело! – свирепею я. – Что я делал и как делал. Будет еще всякая соплюха учить меня жизни!

Галка сердито фыркает и вылетает из комнаты. Настырная девка! Какой была вредной, такой и осталась. Виноват я что ли, если меня сковала какая-то сила, да так, что я был не в состоянии шевельнуть ни рукой, ни ногой. С похмелья это или от страха, – какой смысл теперь уточнять. Открытку все равно уже не вернуть.

– Но я до тебя обязательно доберусь, – бормочу в адрес ночного гостя.

Галка стоит на кухне, прижавшись лицом к окну. По чуть вздрагиваемым плечам можно догадаться, что она плачет.

– Гал! – шепчу виновато. – Извини!

Она не отвечает, лишь громко всхлипывает.

– День сегодня какой-то шальной, – продолжаю оправдываться. – С утра задергали. Не обижайся, пожалуйста.

– Ладно уж, – выдавливает она.

– Вот и хорошо. Давай продолжим, – суется я. – Чай еще будешь?

Пока пьем чай, страсти немного утихают. Я старательно пытаюсь вспомнить цифры на открытке, но ничего не получается. Не помогают даже светящиеся надеждой Галкины глаза.

– Нет, – мотаю мрачно головой, – ничего не помню.

– Едем на вокзал, – предлагает Галка. – Автоматические камеры хранения только на железнодорожном вокзале. Будем стоять там и следить, – кто и что забирает.

– Бесполезно, – отклоняю эту идею. – Мы не знаем, что там должно быть. Вполне можем проморгать нужную вещь. Или же по ошибке нарвемся не на того. Это может обернуться скандалом и даже участком. К тому же и время уже упущено. У них в распоряжении была вся ночь и еще полдня. Достаточно, чтобы выгрести из камеры все.

Галка опять вешает голову.

– Начнем сначала, – спешу предупредить слезы. – На данный момент я испытываю недостаток информации. Я же фактически почти ничего не знаю, – поясняю в ответ на ее вопросительный взгляд, – кроме того, что ты рассказала. А этого очень мало. Откуда мы можем почерпнуть информацию? – Во-первых, – загибаю я пальцы, – с места происшествия. То есть мне нужно заглянуть к Олегу на квартиру и самому оценить обстановку. Может, найду что-нибудь такое, на что вы не обратили внимания. У тебя есть ключи?

– Есть, – кивает Галка, отвлекшаяся от грустных мыслей и зачарованно следящая за моими манипуляциями.

– Во-вторых, – продолжаю я, – узнать, чем располагает следствие. В-третьих, – твоя сноха.

– Лариса?

– Да. Она хоть что-то да должна знать о предшествующих

исчезновению Олега днях.

– Она опять уехала в деревню.

– Ничего, съездим. В-четвертых, что-то могут рассказать на его работе. В-пятых... – задумываюсь я, – есть ли у Олега друзья, увлечения?

– Не знаю, – косится Галка, – У него свои заботы, у меня свои.

– Ладно, разберемся. Вот видишь, – говорю я бодро, – какое у нас обширное поле деятельности. А ты сразу паниковать. Все, я пошел.

– Куда? – вскидывает Галка голову. – А я как же?

– Не беспокойся, буду держать тебя в курсе.

– Нет, я с тобой.

– Ты займись своими делами, – говорю твердо. – Справлюсь без тебя.

– А к Ларисе? А квартиру Олега осматривать, – аргументирует она, – и вообще тебе без меня не справиться.

– Ну уж, – усмехаюсь я, – так сразу и не справиться. Как-нибудь управлюсь. Когда понадобится, найду.

– Я не согласна, – возмущается она как ребенок, у которого отняли любимую игрушку, – или мы вместе, или...

– Что «или»?

– Ничего! – дергает Галка плечами и опять делает попытку заинтересоваться окном. Я растерянно чешу затылок. Вечно какие-то осложнения! Впрочем...

– Хорошо, не реви, Ватсон! Я собираюсь прихватить ви-

деокамеру и поснимать. Возможно, сюжет получится. Будешь моим оператором. Идет?

Галка мигом переключается с изучения окна на меня. На ее лице появляется улыбка. Черт, есть в ней что-то такое, необычное! Особенно улыбка...

Квартира Олега. Галка открывает дверь и исчезает в глубине квартиры. Я медленно прохаживаюсь по комнатам, прицениваюсь, что снимать, откуда и как. Снимаю общие виды, панораму.

– Сережа! – доносится из кухни встревоженный крик.

Галка замерла у окна.

– Смотри, что это? – указывает она на него.

В наружном стекле зияет дыра, небольшая, округлая, с неровными краями. Будто от удара булыжником. Внутреннее стекло сохранилось.

– Камнем кто-то заехал, – говорю я. – Ничего странного.

– Да кто ж докинет сюда, на девятый этаж? А это что? – тычет она пальцем во внутреннее стекло, на котором налипли осколки.

– Просто осколки прилипли.

– Почему они прилипли?

– Им что, уже и прилипнуть нельзя? – раздражаясь, открываю створку и пытаюсь смахнуть их, – видишь, обыкновенные... – и прикусываю язык. Осколки не желают отставать от стекла.

– Крепко прилипли. Дай нож.

Но и ножом отколупнуть хотя бы один осколок не удастся. Казалось, они срослись намертво с основным стеклом, слились воедино. Под ножом крошатся, ломаются, но полностью не отстают.

– У Олега есть лупа или какое-нибудь увеличительное стекло? – спрашиваю у Галки.

– Не знаю. Пойду поищу.

Она уходит, но возвращается ни с чем.

– Обойдемся, – выкручиваю из камеры объектив и пытаюсь рассмотреть стекло через него. При ближнем рассмотрении оно оказывается действительно странным. Осколки составляют с ним одно целое, границы исчезли. Или это объектив смазывает границы? Нет, не смазывает. Вот крупный осколок вошел в стекло под углом, а его конец чуть выступил с другой стороны. Как нож в масло. Чушь какая-то, сплошная загадка!

– Ничего не пойму, – отрываюсь в растерянности от окна. – Такое невозможно. Тут специалисты нужны.

Снимаю камерой окно, подробнее отверстие и осколки.

– Что еще?

– Посуда побита, – указывает Галка на полку. – Весь пол был усыпан, но уже прибрались. Наверно, Лариса.

– Заснимем и посуду, которой нет.

Затем мы долго роемся в столе Олега, выискивая в его записях малейшую зацепочку, которая могла бы пролить свет

на причину его исчезновения.

– Ничего, – захопываю, наконец, дверцу. – Поехали дальше.

– К Ларисе?

– Сначала на студию заскочим.

Галку с восторженными, широко раскрытыми глазами оставляю в операторской у Димыча, а сам отправляюсь к Валентине. С Валентиной меня связывают сложные и непонятные отношения. Знакомые с институтской скамьи, мы уже успели достаточно изучить и надоесть друг другу, чтобы связывать воедино наши судьбы. Наши дороги то расходились, то сходились и вот опять скрестились в студии. Она так и осталась не замужем. Я иногда скрашиваю ей вечера, оставаясь даже на ночь. Это нисколько не мешает мне подцепить на следующий день другую девочку или удариться в загул. Претензий друг к другу мы не предъявляем. Меня это устраивает, хотя по студии ползут слухи о нашей предполагаемой свадьбе. Источников их возникновения я, как ни пытаюсь, доискаться не могу и иногда, поддаваясь им, подумываю – а не жениться ли, в самом деле? Чем Валентина не жена? И квартира есть, машина – старый разбитый «москвич», доставшийся ей в наследство от деда. Но внутренний голос советует мне не торопиться. Уж слишком Валентина эмансипирована. Мне же нужна жена, а не депутат горсовета. К тому же не хочется лишаться свободы, избавляться от, скажем,

несемейных привычек.

Валентина отрывается от бумаг и изучающе окидывает меня взглядом поверх очков.

– Опять, – качает она головой.

– Бывает, – развожу я руками, как провинившийся школяр. – Мне, собственно, машина нужна. На денек – другой.

Валентина смотрит на меня, но я выжидающе молчу, предпочитая избегать продолжения. Тогда она роется в сумочке и бросает на стол связку ключей.

– Доверенность еще действует?

– Ага, – киваю я головой, сгребая ключи и спешно ретируюсь.

– Пьяный не ездит! – кричит Валентина вдогонку.

Димыч, как я и подозревал, уже клеит Галку, коршуном нависнув над ней. А она сидит за пультом и лупает глазами на мониторы.

– Отстань, занята, – грозно предупреждаю я, вытаскивая Галку из операторской.

Старший лейтенант, вывернувший из-за угла, идет неспеша по тротуару. Поравнявшись с нами, он оглядывается и ныряет в приоткрытую дверку.

– Привет!

– Салют, старлей! Принес?

– Конечно. А это кто? – он оглядывается на сидящую сзади Галку.

– Это со мной. Не беспокойся – не проболтается, – Галка, предупрежденная заранее, сидит тихо.

Старлей недовольно топорщит рыжие усы, но Все-таки раскрывает дипломат и вынимает оттуда папку.

– Только быстро, пока не хватились, – предупреждает он. – Минут десять – пятнадцать, не более.

Торопливо листаю дело. Заявление истицы об исчезновении мужа... Акт обследования квартиры... Битая посуда на полу... Акт опроса сотрудников по работе... Распоряжение об объявлении розыска пропавшего без вести Ветрова Олега Александровича... Перелистав для верности еще раз, захопываю папку.

– Ну, – спрашивает старлей, – есть что?

– Ничего существенного. Слабо работаете.

– Улик ноль. Ни одной стоящей версии, – пожимает он плечами. – Темное дело.

– Кто ведет?

– Павлюк.

– Капитан? – удивляюсь я. – Как это его угораздило? Ведь он от таких дел бежит как от огня.

– Ну, других он остерегается не меньше. На этот раз не повезло. Преступность растет, людей не хватает. Вот его и приобщили к делу.

– Он же не будет им заниматься. Время протянет, а затем спустит на тормозах... – я вспоминаю, что позади меня сидит и слушает человек, напрямую заинтересованный в поло-

жительном исходе розыска, и срочно меняю тему. – Между прочим, здесь не все. Кое-что вы пропустили.

– Что? – оживляется лейтенант.

– Не сейчас. Потом, может быть. Самому еще не ясно, есть здесь какая связь или нет. Ну, спасибо, – жму ему руку.

– Куда теперь? – спрашивает он.

– Пройдусь сначала по вашим следам, потом будет видно.

– Будь осторожнее. Наши пронюхают, – житья не будет.

– Сообщи, если что новое появится.

– Сообщу, – он хлопает дверкой и также вразвалку направляется назад.

– Это кто? – шевелится сзади Галка.

– Да так. Товарищ мой давний.

– Ты узнавал у него про Олежку, да? – голос ее чуть дрожит.

– В общем-то, да, – мне не хочется ее обнадеживать, но и обманывать душа не лежит. – Ничего у них определенного. Расследование провели так себе, поверхностно.

Галка молчит, но я чувствую, что ей сейчас плохо. Очень плохо.

– Не унывать! – прикрикиваю на нее как можно бодрее. – У нас еще уйма работы. Едем к Ларисе.

Дорога идет через пойму реки. Высоко поднятая над землей дамба, укатанная сверху асфальтом, позволяет пользоваться ею в любое время года, даже весной, когда вышедшая

из берегов река заливает все вокруг на десятки километров, превращая пойму в безбрежное море. Вода давно уже сошла, и на том месте, где раньше плескались вольные волны, теперь колышутся под порывами ветра зеленые травы, вымахающие уже почти в рост человека. Изредка мелькают слюдяными блестками протоки и озерца, оставшиеся от половодья. Воздух напоен знойным ароматом луговых трав, звенит трелями невидимок-жаворонков и несмолкаемым стрекотом кузнечиков. Оторвавшись от земли, плывут в патоке миража дальние рощи.

Дорога, уходящая в сторону от шумной, забитой автомобилями магистрали пустынна. Ехать по ней одно удовольствие. Пользуясь этим, я развиваю приличную скорость. Галка, пересевшая вперед, испуганно вскрикивает, когда машину подбрасывает на ухабах. Лицо ее раздумянилось, глаза задорно блестят. Жаркий тугой ветер, врываясь в раскрытое окно, гуляет по салону, озорует, задирая подол ее платья. Обнажает стройные красивые ноги, треплет волосы и упорно залепляет прядями лицо, вызывая радостный восторг. Я то и дело отвлекаюсь от дороги, чтобы хотя бы мельком глянуть на эти ножки, на хорошенькое девичье личико, на завораживающую улыбку.

Внезапно мотор глохнет. Машина дергается так, что Галка припечатывается к переднему стеклу. Завывая шестернями заднего моста, «москвич» катит по инерции еще немного вперед и останавливается.

– Чертов рыдван! – чертыхаюсь я. – Который раз он меня подводит! Нет, пора ему на металлолом.

Галка непонимающе смотрит на меня, потирая лоб.

– Приехали, – говорю я. – Авария. Мотор отказал.

Вылезаю из машины, поднимаю капот и погружаюсь в недра двигателя. Причина выясняется быстро – нет искры. Еще через двадцать минут я в полном замешательстве опускаюсь на асфальт и вытираю грязными руками пот на лице, не замечая этого. Не вырабатывает ток генератор, и, что совсем непонятно, безмолвствует аккумулятор. Вышла из строя вся система электропитания. Но такого быть не может!

– Сергей! – отвлекает меня тревожный Галкин голос.

Она стоит рядом с машиной, задрав голову и уставившись в небо. Слежу за ее взглядом и упираюсь во что-то круглое и сияющее.

– Летающая тарелка! – благоговейно шепчет Галка.

– Чепуха! Их не бывает.

– Бывает, – шепчет она. – Вот она. Видишь?

Над нами на высоте примерно тысячи метров висит непонятный светящийся объект в форме шара. Он кажется однородным, но замечаю, что по нему равномерно пробегают сполохи света, появляются и исчезают концентрические круги. По окружности движутся темные строчки точек.

Очнувшись, ныряю в автомобиль и появляюсь с видеокамерой. Торопливо ловлю тарелку в видоискатель и нажимаю на пуск... Камера молчит. Тщетно пытаюсь запустить. Бью

по ней кулаком и высказываю все, что о ней думаю. Проверю кассету, механизм – все в порядке, камера должна работать. Но не работает. Остается только пассивно смотреть вверх, сжимая в бессильном гневе кулаки и проклиная эту шарманку, лишившую меня таких уникальных кадров. Галка стоит рядом, и, приставив ладонь козырьком ко лбу, неотрывно смотрит на объект, что-то шепча с суеверным ужасом и иногда вскрикивая, заметив происходящие в нем изменения.

Это длится довольно долго. От неудобного положения затекает шея, но оторвать взгляда от тарелки я не могу. Время для меня будто остановилось. Только изредка ловлю себя на том, что продолжаю нажимать на пуск камеры в надежде, что она вдруг заработает.

Наконец объекту надоедает стоять над нами, и он, внезапно сорвавшись с места, солнечным зайчиком, почти неуправляемым для человеческого глаза, скользит по небосводу и исчезает. И в то же мгновение запускается видеокамера.

– У-у, – машу ею, не в силах выразить свои чувства.

– Не надо, – хватает Галка меня за руку. Я вырываюсь и яростно швыряю уже не нужный аппарат на заднее сиденье. – Зараза!

Забираюсь в машину и пытаюсь еще раз завести мотор. Как ни странно, но он схватывается с первых же оборотов, чихает и ровно урчит. Будто не ломался вовсе. Будто я только что не бился над ним в попытке устранить причину ава-

рии. Странный все-таки у Валентины тарантас, с норовом. Захлопываю капот, зову Галку, и мы двигаемся дальше. Едем молча, полные впечатлений от встречи с летающей тарелкой. Особенно досадую я. Надо же было камере отказать в самый неподходящий момент!

– Олег как-то рассказывал, – прерывает молчание Галка, – про такой же случай. Над дорогой появилась тарелка, и все машины остановились. Ни одна не смогла тронуться с места до тех пор, пока тарелка не улетела. Предполагают, что она каким-то образом временно вывела из строя у всех электрооборудование. То же самое произошло и с нашей машиной. А камера у тебя от чего работает?

– От батареек. Ну, конечно же! – хлопаю себя по лбу. – Она и не могла работать. Я, глупый, виню камеру, а причина-то не в ней. Извини, родимая, – оборачиваюсь я назад и глажу аппарат. – А вот у этих ничего не вывела.

Нас нагоняет машина. Черные «жигули». Идет она еще быстрее нашей. Видно, как ее подбрасывает на ухабах, да так, что колеса отрываются от дороги, и она на мгновения зависает над асфальтом. Рисковый парень – водитель этой машины. Из породы смертников. Я, конечно, тоже не отношусь к черепахам, тоже люблю прокатить с ветерком, но чтобы так... При ста десяти сцепление шин с грунтом ослабевает, не успеешь и глазом моргнуть, как окажешься вверх брюхом в кювете. Впрочем, инстинкт никогда меня не подводит. Нога помимо воли отпускает педаль газа, стоит только автомо-

биллю начать рыскать по дороге. Эти же идут примерно под сто сорок. Автомобиль безбожно мотается из стороны в сторону, рискуя в любой момент слететь с насыпи, но скорости не снижает. Когда он успел появиться, я не заметил. Хотя на такой ровной местности дорога просматривается на многие километры.

– Он не попал в зону действия тарелки, – словно отвечает Галка на мои мысли, – поэтому и нагнал нас, пока мы стояли. Притормози, пожалуйста, – просит она. – Не нравится мне эта машина.

Мне она тоже не нравится. Сбрасываю скорость и прижимаюсь к обочине. Не ровен час, еще зацепит нечаянно. Это нас и спасает. Настигнув наш автомобиль, «жигуль» идет на обгон. Когда мы оказываемся на одной линии, он вдруг резко сворачивает и ударяет нам в бок. От неожиданности я чуть не выпускаю руль из рук. Автомобиль виляет на кромку откоса и чудом не валится вниз. Галка испуганно визжит, но я успеваю вывернуть. «Москвич», взревывая и выбивая из-под колес фонтан песка и гравия, грузно выбирается на асфальт. «Жига», проскочив вперед, останавливается. Так и стоим мы друг против друга, – наш «москвич» и метрах в десяти черные «жигули». Стоим в ожидании, что примет противная сторона. Темные поляризованные стекла «жигулей» зловеще поблескивают, нагоняя тревогу и смятение. Разглядеть что-либо за ними невозможно. Это ожидание, казалось, растягивается в вечность. На самом деле про-

ходит всего лишь несколько секунд. Черная машина сотрясается и подается назад. Заворожено смотрю на приближающуюся все быстрее и быстрее машину и не могу пошевелиться. Знакомое оцепенение сковывает руки и ноги.

– Сергей! – кричит Галка. – Я боюсь!

Горячая волна окатывает меня, и я прихожу в себя.

– Пристегни ремни! – кричу, вцепившись в руль, и лихорадочно давлю, что было сил, на педаль тормоза.

«Жига» врезает наискосок. Мы принимаем удар подготовленными, и все обходится без разбитых носов и синяков. От удара «москвич» разворачивает поперек, но на дороге удерживается. Выручает масса старой, изготавливаемой на века машины. В этом сказывается ее преимущество. Легкой «жиге» придется изрядно попотеть, прежде чем удастся сбросить нас с дамбы. Противник это, похоже, тоже понимает. «Жига» газует и мчится вперед.

Что за маньяк сидит за баранкой этих «жигулей»? Какую цель он преследует? Непреднамеренными действиями здесь не пахнет. Или это... Перед глазами опять встает ночь, луч света, шарящий по столу, перебираемые бумаги... Но что им еще надо от меня? Открытка у них. Помешать им при всем своем желании я не могу. Или из моей схемы выпало какое-то звено?

– Они возвращаются! – кричит Галка.

Машина, отъехав подальше, развернулась и теперь мчится на нас, увеличивая скорость с каждой секундой. О ее на-

мерениях гадать не приходится. Мы стоим, перегородив дорогу. Объехать нас невозможно. Не раздумывая, я разворачиваю машину и гоню назад, в ту сторону, откуда мы только что приехали. На «москвиче», тем более на этом, отъездившем уже свое, уйти от погони – дело безнадежное. Поэтому я не удивляюсь, обнаружив через некоторое время рядом с собой черный силуэт. Места для маневра на дороге нет. «Жига», приткнувшись к «москвичу» вплотную, начинает оттеснять нас к обочине. Пытаюсь в свою очередь сделать с ней то же самое, но у меня это получается хуже. В результате шины «москвича» опять вгрызаются в гравий. Галка, побледневшая, кидающая на меня умоляющие взгляды, испуганно тарашится на открывшийся сбоку обрыв, сулящий одни неприятности. А я... Я молю бога о том, чтобы нам было позволено дотянуть до километрового столбика, одиноко маячащего впереди. Мольба моя, похоже, услышана. «Москвич» выравнивается со столбиком. Я резко выворачиваю направо и одновременно жму на тормоза. Машину заносит, и мы чуть не срываемся вниз. Столбик, вставший на нашем пути неодолимым препятствием, останавливает неуправляемое движение машины. «Жигулям» везет меньше. Не ожидавший от нас такого хода, автомобиль тянется по инерции за нами, но для него не находится еще одного такого же столбика. Поэтому «жига», продолжая движение, слетает с дороги, минует обочину и, зависнув на мгновение в воздухе, рушится вниз, скрываясь за насыпью. Снизу доносится удар

и скрежет сминаемого металла. И все стихает. На нас наваливается оглушающая тишина. Даже жаворонки и кузнечики затаились в смятении.

В таком же смятении застыли и мы с Галкой. Как все это объяснить? Кто мы? Виновники аварии и, возможно, чьей-то смерти? Потерпевшие, превысившие пределы обороны? Или еще кто, трудно объяснимый в вязком омуте юриспруденции? Кем бы мы ни были, сейчас не до этого, не до выяснения своей правоты или вины. Ломая свинцовое сопротивление тела, я выталкиваю помятую дверь, вываливаюсь из машины и бегу к обрыву. «Жигули», вернее то, что от нее осталось, лежит внизу вверх брюхом. Глубоко пропаханный откос дамбы и смятая, перемешанная с землей трава указывает ее недолгий путь. А вокруг равнодушно покачиваются травянистые заросли. Не отдавая отчета в своих действиях, прыгаю вниз и качусь по откосу. Что руководит мною в этот момент, – желание увидеть в лицо врага или же оказать помощь потерпевшему, – об этом я не задумываюсь.

Автомобиль помят изрядно. Искореженный капот, оторванная дверь, – все указывает на бушевавшие здесь минуту назад нечеловеческие силы. Вырванное с корнем сиденье загораживает вход. Через выбитые окна разглядываю внутренности салона... Внутри никого нет! Ни бесчувственного тела, ни следов крови. Я медленно разгибаюсь. Куда исчез тот, кто только что пытался уничтожить меня с Галкой, но неосторожно поменялся с нами местами? Неужели остал-

ся жив и успел улизнуть в кусты? От этих мыслей мне становится неуютно. Высокая трава стоит сплошной стеной. Искать в ней бесполезно. Но можно предположить, что в любой момент из зарослей может раздаться выстрел. Это, учитывая недавнее желание преследователя покончить с нами, вполне допустимо. Разворачиваюсь и, загребая по-черепашьи руками и ногами сыпучий гравий, проклиная свою расшалившуюся любознательность и добросердечность, карабкаюсь наверх, ежесекундно ожидая удара пули в спину. Утыкаюсь носом в чьи-то ноги. Ноги оказываются Галкиными. Она стоит на кромке откоса и в прострации смотрит на меня. С ее лица еще не сошли бледность и тревога пережитого недавно страха неминуемой смерти.

– На их месте должны были оказаться мы, – скорбно молвит она, на что я, особо не церемонясь, подбиваю ей ноги. Галка шлепается рядом.

– Ты чего? – лицо ее кривится от боли.

– Дура! Что так стоишь? Жить надоело?

– Сам дурак! – огрызается она. – Аккуратнее не мог?

– Не до аккуратности. Тот маньяк в кустах залег. Того и гляди, стрелять будет. А ты стоишь, как на панели. Давай ползком в машину, – подталкиваю ее.

За Галкой ползти неудобно. Не то, чтобы мешает ее далекая от совершенства техника передвижения по-пластунски. Просто платье у нее для такой процедуры немного коротковато.

Так что ползу почти вслепую. Забравшись в машину, немедля разворачиваюсь, и мы поспешно покидаем место происшествия. Оставаться на месте аварии опасно. Не менее опасно возвращаться домой. Вдруг нас на дороге поджидает еще одна такая же не в меру агрессивная машина. В одиночку эти ребята обычно не работают.

Галка жалобно скулит, согнувшись над изодранными в кровь коленями. Я ничем ей помочь пока не могу. И только когда тает в дымке место аварии, когда обступают дорогу с обеих сторон деревья, мы съезжаем с дамбы по ответвлению дороги. Углубившись по заросшей травой, еле видимой дорожке в лес, оказываемся на берегу небольшого озерца, заросшего ряской и кувшинками. Здесь уже можно расслабиться и заняться собой. Пока Галка, постанывая, обрабатывает колени зеленкой – единственной антисептикой, найденной в аптечке, я занимаюсь осмотром автомобиля. Он с честью выдержал испытание, но скандал с Валентиной мне обеспечен. Кроме помятого, ободранного бока на передке остался след от встречи со столбиком – покореженный бампер и вмятая внутрь решетка. Попутно обнаруживаю еще одну неприятность – поврежденный радиатор. Вода тоненькой струйкой сочится и капает на землю. Это ставит под сомнение конечную цель нашего путешествия. Положение спасает полупустая фляга из-под бензина, волею судьбы оказавшаяся в багажнике. Сливаю остатки бензина в бак, иду к озеру и набираю полную флягу воды.

Управившись с первоочередными делами, присоединяюсь к Галке. Она уже разобралась со своими коленками и теперь лежит на берегу, закрыв глаза и расслабленно раскинув руки. Озеро, кувшинки, склонившиеся над водой деревья. Лучи пробиваются сквозь листву и высвечивают повисшие в воздухе призрачные паутинки. Звонкая тишина нарушается чуть слышным лепетом листьев и тонким пением золотистых мух, замерших над венчиками цветов. Девчонка, в истоме раскинувшаяся на траве. Настолько живописна эта картина, настолько слита в своем совершенстве, что внутри у меня будто что-то обрывается. Тонкие травинки, наклонившись над ее лицом, нежно ласкают щеки, цветы пытаются заглянуть в закрытые глаза. Ловлю себя на том, что завидую этим травинкам и цветам.

Трясу головой, пытаюсь отогнать наваждение. Не хватало еще удариться в лирику. Что можно испытывать к сестре друга, которую знаешь издавна, с детских лет? Чувство дружбы, товарищества, наконец, но никак не... Чем же тогда притягивает меня к себе эта девчонка, что принуждает снова и снова вглядеться в смазливое личико, окунуться в ее темные бездонные омуты глаз? Отчего при виде ее удивительной улыбки по телу пробегает жаркая волна? Неслышно опускаюсь рядом, стараюсь не нарушить ее безмятежный покой. Солнце золотит пушок на щеках, играет блестками в волосах, разметавшихся на траве. Полуоткрытые губы будто замерли в ожидании поцелуя и магнитом притягивают ме-

ня.

Галка, словно почувствовав, открывает глаза. Взгляды наши встречаются. Бесконечное мгновение смотрим мы в глаза друг другу, пытаюсь прочесть в них что-то желаемое, сокровенное. Галка, во всяком случае, прочла. Щеки ее покрываются румянцем, она вскакивает и начинает с нарочитым вниманием стряхивать с платья травинки.

– Тебе нравятся девушки с зелеными коленками? – при-
нужденно улыбается она.

– Я люблю лягушат, – глуповато острою я, медленно
отрезвляясь.

– Брр! – передергивает Галку. – Не люблю лягушек. Про-
тивные.

– Ты не противная. Ты настоящая царевна. Царевна-ля-
гушка.

– Спасибо за комплимент, – смеется Галка. – Удружил!

Чувствуя, что опять сморозил что-то не то, я тушуюсь,
не смея шевельнуть вмиг одеревеневшим языком.

– Что будем делать?

– Ехать надо.

– Не хочется покидать это место, – Галка обводит глазами
озеро. – Прелестный уголок! Тишина, покой и никаких... –
на лицо ее набегают тень.

– Мы еще вернемся сюда, – перебиваю ее, стремясь отрешить от воспоминаний. – Обещаю.

До деревни, где живет Лариса, добираемся только к вечеру. В дороге приходится несколько раз останавливаться и доливать воду в быстро пустеющий радиатор. В остальном обходится без происшествий.

Лариса, встретившая нас, чрезмерно удивилась.

– Галя? Ты откуда? Что с Олегом? Говори, не томи! – накидывается она на Галку, не давая ей ответить. – Я уже измоталась вся в ожидании. Нашелся? Где он? Что с ним?

– Нет. Не знаю, – Галке удается, наконец, вставить слово. – Не нашли еще. Ищут. Вот он, – указывает она на меня, – ищет. Это друг Олега.

– А-а, – Лариса сникает и мрачнеет.

С женой Олега мне познакомиться не доводилось, и я с любопытством разглядываю ее. На первый взгляд чуть серовата. Или несчастье с мужем обезличило ее. Невысокая, чуть полноватая. Правильные черты лица...

– Сергей, – представляюсь я. – У меня к вам имеется несколько вопросов. Не возражаете?

– Задавайте, – устало кивает Лариса головой. – Пройдемте в дом.

– Лучше здесь, – я смотрю на солнце. – В доме света будет маловато. Я, видите ли, хочу записать наш разговор на видеокассету.

– Сергей работает режиссером на телестудии, – поясняет Галка.

– А я думаю, отчего лицо знакомое, – вяло отзывается Ла-

риса. – По телевизору видела.

Разговор прерывают вышедшие из дома родители Ларисы. Снова начинаются вопросы, вздыхания. Лариса не выдерживает, ударяется в слезы и уходит в дом. Пользуясь моментом, подвожу Матвеича, отца Ларисы к машине и объясняю неполадку, не вдаваясь в подробности.

– Сделаем, – отзывается тот, садится в машину и уезжает к знакомому костоправу.

Деревенское гостеприимство известно, и мы не очень-то упираемся, когда мать Ларисы начинает собирать на стол. После ужина приступаем к цели нашей поездки. Галка, наспех обученная обращению с видеокамерой, делает круги вокруг нас, а я в это время пытаю Ларису.

Я. Когда вы заметили неладное в поведении Олега?

Л а р и с а. Дня за три. Олег начал вести себя странно. Встревоженный стал, пугливый. Замкнулся в себе и на мои вопросы отвечать не желал, от ответа уходил. Советовал не соваться в какое-то «дело», иначе не только ему, но и мне могут быть неприятности.

Я. Что это за «дело», он не уточнял?

Л а р и с а. Нет. Может, оно связано с секцией. Он в последнее время делал для нее какие-то расчеты.

Я. Какая секция?

Л а р и с а. Точное название не помню. Они там летающими тарелками занимаются.

Я. Как они, то есть члены секции, вышли на Олега?

Л а р и с а. А им и выходить не надо было. Он сам – член этой секции. Такой же ненормальный, как и все остальные.

Я. Летающие тарелки и исчезновение человека. Вы видите здесь какую-то связь?

Л а р и с а. Я? Это вы видите! Я на такую глупость не способна.

Я. Я тоже. Хорошо. Этот вариант, как самый глупый, отпадает. Продолжаем. Что вы можете сказать о последующих событиях? Замечали ли наблюдение за собой или за домом? Странности какие-либо?

Л а р и с а. Наблюдения не замечала. А насчет странностей – (думает) – погром устроили, посуду всю перебили... Это уже после было. А до этого...

Я. Дыра в окне на кухне когда появилась? Тоже после?

Л а р и с а. Дыра? Я не заметила. Не до этого было.

Я. Так что было до этого?

Л а р и с а. До этого он отправил нас сюда. Говорил, денька на три, пока все не уляжется. Без нас, мол, ему спокойнее будет.

Я. Ему звонили, им интересовались какие-нибудь люди?

Л а р и с а. Насколько я знаю, нет. Может, после нашего отъезда.

Я. Олег отправлял куда-нибудь письма, собирался ли положить что-нибудь в камеру хранения?

Л а р и с а. Нет. При мне, во всяком случае, нет.

Я. Но у него было что прятать?

Л а р и с а. Вряд ли. Были какие-то расчеты, графики, но я в них не вникала. Не считала нужным. Олег прятал их от меня в последнее время.

Я. Вы могли бы их узнать?

Л а р и с а. Наверно. Но дома их нет. Уже искали.

Я. Что вы можете еще сказать?

Лариса пожимает плечами, затравленно косясь на камеру. Больше ничего вытянуть из нее не удастся. Несмотря на то, что убрали пугающую ее видеокамеру, Лариса предоставить каких-либо причин исчезновения Олега не может. Но все равно поездка оказалась ненапрасной. Расчеты, секция – это уже какая-то зацепочка, ниточка. За нее стоит потянуть. Глядишь, дальше что-то да раскрутится.

Незаметно опускаются сумерки. Машину из ремонта еще не вернули, да и возвращение, на ночь глядя, особого желания не вызывает. Особенно после недавних событий. Поэтому я не упрямлюсь, когда Галка сообщает, что мы остаемся ночевать, и с хозяевами все обговорено. От нечего делать занимаюсь наведением порядка в своих записях. Галка невдалеке цыганит что-то у Матвеича. Спустя некоторое время она подходит ко мне, помахивая ключом на пальце и победно улыбаясь. Заговорчески манит рукой. Когда симпатичная девушка, к которой к тому же равнодушен, зовет с загадочной улыбкой на устах, – поневоле все бросишь и пойдешь куда угодно. Что я и делаю.

Галка уводит меня к реке. Спускаемся с крутого обрыва на песчаный берег. На нем, как моржи на лежбище, разлеглось множество лодок. Она подводит меня к одной и отмыкает замок на цепи, которой лодка крепится к вбитому в землю крюку.

– Помоги, – приказывает она, с натугой толкая лодку. – Что стоишь как истукан?

– А эти, – тыкаю пальцем за плечо. – Как бы чего не вышло.

– Какой ты глупый! – в ее смехе слышится издевка. – Это лодка Матвеича. Он разрешил. Ну!

Наконец разобрав, что к чему, присоединяюсь к ней, и вдвоем сталкиваем лодку в воду.

Мотор фыркает и ровно урчит. Лодка быстро набирает скорость и несется по течению реки. Галка лихо управляет. Мне достается роль восторженного зрителя. А восторгаться есть чем. Солнце уже спряталось, но еще достаточно светло, чтобы разглядеть окружающее.

Впавшая в сонную истому река приглушила волны. Лодка рассекает зеркальную гладь, дробя отражающиеся в воде первые звезды. Ветер затих. Густые заросли по берегам успокоились и погрузились в сон. Даже птичьи голоса уже не слышны. Лишь тарактенье мотора и плеск воды о борта лодки нарушают сонную тишину. Под этот убаюкивающий шум не хочется ни думать, ни разговаривать. Я полностью отдаюсь чарующему созерцанию нескончаемой лунной до-

рожки. Галка тоже молчит. Поворот исчезает за поворотом, открывая перед нами новые сумеречные дали. Мы мчимся в упоительном полете.

Упоение кончается внезапно. Раздается глухой удар, нос лодки задирается и рывком уходит в сторону. Меня подбрасывает неведомая сила. Не успев опомниться, я оказываюсь в воде. Глотнув от неожиданности, я, судорожно работая руками, выскакиваю наверх.

Я один среди водного пространства. Где-то неравномерно кашляет мотор. Лодка, невидимая в темноте, удаляется. Кричать бесполезно. Сквозь шум мотора Галка все равно не услышит. Остаться одному жутко. В плавании – то я не силен, и добраться до берега самому... Представляю, сколько подо мной метров воды. Вполне достаточно для такого потенциального утопленника, как я. Этого хватает, и я начинаю отчаянно барахтаться, чувствуя, как меня неудержимо тянет под воду.

– Спасите! – это единственное, что приходит мне в голову.

– Держись! – раздается рядом знакомый голос. Чья-то рука хватается меня за шиворот.

– Галка!? – обрадовано ору я. – Я думал, ты того...

– Как видишь, – отзывается она и добавляет. – Ты только не психуй, держи себя в руках. Иначе до берега не доберемся.

– Да я ничего, – бодрюсь я. – Все в порядке. Просто одному скучно было. Теперь полный порядок.

– Тогда поплыли. В ту сторону, – указывает она. – Лодка туда ушла.

– А чего она ушла-то?

– Без управления осталась – вот и ушла. Я же вслед за тобой вылетела.

– Отчего же она взбесилась?

– На топляк налетели. Замечталась я и прозевала его.

– И что теперь?

– Лодка уже где-то на берегу. Мотор заглох, слышишь? Доберемся до берега и отыщем. Это несложно.

Плыть ночью на большие расстояния и к тому же в одежде – дело, оказывается, нелегкое. Даже при наличии попутчика. В этом я вскоре убеждаюсь. Одежда тянет вниз, туфли превратились в колодки. Все это мешает, стесняет движения. Попытки освободиться от них ни к чему не приводят. Только впустую трачу силы. Решаю вообще не обращать на них внимание. Галка, словно чувствуя мое состояние, держится рядом, успокаивая и иногда прикасаясь ко мне, чтобы приободрить. Я виду не показываю, что дрейфлю, и в свою очередь пытаюсь развлечь ее. Со стороны все это кажется легкой развлекательной прогулкой.

На берег я выползаю на четвереньках. Ноги отказываются держать, сердце готово пробить грудную клетку, а в глазах плывут разноцветные круги. Пока я валяюсь мокрой тряпкой на песке, Галка стоит рядом, напряженно вслушиваясь в тишину. Чрезмерно уставшей она не выглядит. Я же от соб-

ственного бессилия готов провалиться сквозь землю.

– Хватит загорать, – грубовато, и в то же время как будто ничего не случилось, говорит она. – Пошли лодку искать!

Тяжело подымаюсь, и мы бредем по берегу в ту сторону, где по ее расчетам должна быть лодка. Идти в темноте трудно. Мы то и дело спотыкаемся о коряги и корни деревьев, падаем, до крови обдираясь о сучки и колючки, но упорно пробираемся сквозь чащобу, вглядываясь в темноту.

– Вот она! – произносит Галка, указывая на еле различимый во тьме силуэт. С радостными криками продираемся сквозь заросли и кидаемся к лодке. Она запуталась в ветвях подмытого и рухнувшего в воду дерева. Если бы не Галка, я ни за что бы не заметил.

Недавнее предательское поведение лодки забыто. Освободив ее от плена, забираемся в нее и рассаживаемся по местам. Но при первых же оборотах двигателя под нами раздастся такой оглушительный визг и скрежет, что Галка испуганно глушит мотор.

– Винт погнуло, – всхлипывает она. – Ой, что теперь будет.

– Ничего, разберемся, – я только сейчас начинаю чувствовать себя снова мужчиной. – Давай к берегу!

Отыскав свободный от зарослей участок, мы выволакиваем лодку на сушу и проверяем винт. Одна лопасть действительно погнута и при вращении цепляется за корпус. В темноте с ней возиться сложно. Без огня не обойтись. К тому же

мокрая одежда основательно охладила тело. Меня сотрясает мелкая дрожь. Галке приходится не лучше.

– Надо для начала разжечь костер, – предлагаю я. – Обсушимся и попутно винт выправим при свете костра.

Побродив по кустам, наваливаем большую кучу сушняк и разводим костер, благо зажигалка у меня безотказная. Жаль, от сигарет осталось только полужидкое месиво, и я не без сожаления выбрасываю всю пачку. Костер весело пылает, разгоняя подступившую темноту. Отыскав в носу лодки кое – какой инструмент, я занимаюсь правкой лопасти. Галка, натывав вокруг костра кольев, развесила для сушки одежду и теперь сидит у огня, предостерегающе вскрикивая каждый раз, как я бросаю взгляд в ее сторону. Она, видите ли, оказалась не совсем в форме и теперь жутко стесняется.

Изрядно помучившись, довожу, наконец, лопасть до такого состояния, что она уже не цепляется ни за что. Можно и домой, если одежда высохла. Довольный, подхожу к костру. Присаживаюсь напротив Галки, чувствуя на себе ее настороженный взгляд. Сдала она сегодня! Лицо осунулось, серое, землистое. Под глазами темные круги.

– Какой ты чумазый! – смеется она.

– Ну, вам я тоже не советую глядеться в зеркало, – отзываюсь я. – Всю пыль и грязь с кустов собрали. Искупаемся?

Галка медлит, задумчиво разглядывая букет из лопухов, которыми она живописно прикрывает верхнюю часть тела

от посторонних, то есть моих взглядов. Наконец, кивает головой и подымается.

Купание в теплую летнюю ночь – удовольствие неопишное. Вода, теплая, как парное молоко, мягко убаюкивая, качает, ласкает исцарапанное тело, снимая боль и усталость. Галка от избытка чувств начинает буянить, шумно плескаясь и подзадоривая меня. Не удержавшись, вступаю с ней в сражение. Яростно шлепая руками по воде и обдавая противницу веером брызг, ослепленный ответным водопадом, наугад подбираюсь все ближе и ближе в стремлении заставить ее сдаться и отступить. Галка не уступает, и мы сталкиваемся. Стихает водопад брызг. Мы стоим, как изваяния. Галка чуть откинулась назад, прикрыв рукой глаза от брызг. Передо мной ее губы, своей грудью я чувствую обнаженную прохладную грудь. И я, не удержавшись от соблазна, касаюсь губами ее губ. Галка, судорожно вздохнув, отстраняется от меня и исчезает в черной как ночь воде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.